

АЛЁНА КОЗЛОВА

Рождение Родолада. Хроники первых богов

Алёна Козлова
Рождение Родолада.
Хроники первых богов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71995735

ISBN 9785006712256

Аннотация

Эта сага о тех, кто находит силу в слабости, свет во тьме и жизнь в объятиях смерти. О чём поёт Рожаница, пробуждаясь? И что останется от богов, когда люди забудут их имена? «Рождение Родолада» – эпическое фэнтези, где оживают мифы. Цена бессмертия – слезы тех, кто осмелился любить. Для кого эта книга:– Любители мифологического фэнтези.– Те, кто ищет богов, ошибающихся как люди, и людей, бросающих вызов богам.– Поклонники эпических саг.

Содержание

Дорогому читателю	5
Предисловие	7
Глава 1. Песнь Рожаницы	9
Глава 2. Кузнец Сварога	12
Глава 3. Танцующая Тьма	17
Глава 4. Сердце Матери-Земли	23
Глава 5. Рокот Перуна	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Рождение Родолада. Хроники первых богов

Алёна Козлова

© Алёна Козлова, 2025

ISBN 978-5-0067-1225-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогому читателю

«Прежде чем родились легенды, мир был песней. Её спела Рожаница – праматерь всего сущего, чьи слезы стали богами, а дыхание – ветром времен. Но её дети, могучие и мятежные, превратили гармонию в поле битвы. Сварог, бог-кузнец, выковал солнце и звёзды, жаждая порядка. Велес, плут и мятежник, украл огонь Хаоса, чтобы оживить камни и подарить миру свободу. Морана, повелительница льда и смерти, возжелала вечного молчания. А Лада, богиня любви, плакала кровавыми розами, разрываясь между страстью и долгом.

Их распри раскололи мир. Люди, слепленные из глины и мёда, стали разменной монетой в игре богов. Одни молились ярости Перуна, другие – хитроумию Велеса, не подозревая, что за их спинами уже шепчется Чернобог – тень, рожденная из ран самой Рожаницы.

Эта сага – не просто история о создании земли и неба. Это гимн тем, кто искал силу в слабости, свет – во тьме, а жизнь – даже в объятиях смерти. О чем поёт Рожаница, пробуждаясь ото сна? И что останется от богов, когда последний человек забудет их имена?

Погрузитесь в мир, где реки помнят боль божественных

ран, деревья шепчут древние заветы, а каждое решение богов отзывается эхом в судьбах смертных. «Рождение Родолада» – это эпическое фэнтези, где мифы оживают, а цена бессмертия измеряется слезами тех, кто осмелился любить».

Для кого эта книга:

– Любители мифологического фэнтези в духе «Американских богов» Н. Геймана и «Славянских мифов» М. Семёновой.

– Те, кто ищет истории о богах, которые ошибаются, как люди, и людях, которые бросают вызов самим богам.

– Поклонники эпических саг, где поэзия языка сплетается с кровавыми битвами за душу мира.

Предисловие

В те времена, когда небеса ещё дремали, скованные пеленой небытия, а время не знало ни восходов, ни закатов, мир был лишь смутным сном в утробе вечности. Но явилась Она – Великая Рожаница, чьи уста источали не звуки, а самую суть мироздания. Её голос, подобный трепету крыльев мотылька в крошечной тьме, прорезал Хаос, рождая ритм там, где царил бесформенный вой. Каждое слово её песни становилось плотью: вибрация гортанных нот – горами, переливчатый шёпот – реками, протяжный стон – бездонными пропастями. Но даже Ей, соткавшей из собственного страха и надежды первых богов, не дано было предугадать, что её дети, алчные к власти и любви, обратят гармонию в хаос, а созидание – в битву титанов.

Эта сага – не летопись, а вопль изначальной боли. Здесь боги падают на колени, обожжённые пламенем своих амбиций, а люди, слепленные из глины и слёз, становятся орудием в споре между светом и тенью. Вы услышите, как Сварог высекает молнии из ярости, как Велес плетёт интриги шелестом листьев, как Морана хоронит свои грехи под вечными снегами. Вы увидите, как Лада, богиня любви, рвёт на части собственное сердце, чтобы спасти тех, кто уже забыл её имя. И, быть может, поймёте, почему даже бессмертные дрожат

перед шепотом Рожаницы, когда она взывает к ним сквозь толщу веков: «Дети мои, что вы натворили?»»

Читайте. Слушайте. И помните: каждый миф – это рана, которая никогда не затянется».

Глава 1. Песнь Рожаницы

Хаос не был пустотой. Он дышал – тяжело, хрипло, как зверь, запертый в собственных рёбрах. Его рваные края обжигали холодом, а в глубине клубилось нечто, что не смело стать ни огнём, ни водой. И тогда Она распахнула уста.

Первый звук, сорвавшийся с её губ, напоминал треск ломающихся звёзд. Он вонзился в Хаос, как нож в сливочное масло, и тьма затрепетала, обнажая прожилки мерцающей материи. Рожаница пела, и её тело – огромное, полупрозрачное, сотканное из туманностей – изгибалось в такт напеву. Каждое движение рождало новую стихию: взмах руки – вихри, кружащиеся в безумии; поворот головы – искры, которые позже станут созвездиями.

Но истинное чудо свершилось, когда из её глаз хлынули слёзы. Они падали в бездну, как кометы, оставляя за собой шлейфы света и пепла.

Первая слеза вспыхнула алым заревом, будто в её сердце-вине бушевал вулкан. Ударившись о небытие, она взорвалась миллионом осколков, каждый из которых звенел, как наковальня под молотом. Из огненного вихря поднялась фигура – широкоплечая, с кожей, покрытой узорами из расплавлен-

ного железа. Сварог, Его пальцы, грубые и иссечённые шрамами, сомкнулись вокруг ничего – и вдруг в ладонях заплясали искры. «Твердь! – прогремел он, и его голос разорвал пространство на „до“ и „после“. – Будет твердь, чтобы биться о неё, как о щит!». И он начал ковать – яростно, без усталости, превращая рваные клочья Хаоса в плиты мрамора, в бронзу облаков, в серебро лунных дорожек.

Вторая слеза была чёрной, но не мрачной – переливающейся, как крыло жука, и тёплой, как дыхание спящего зверя. Она не упала, а просочилась в трещины мироздания, обволакивая их липким дымом. И тогда из тени возник Велес – гибкий, как змея, с глазами цвета забвения. Он лизнул губы, на которых всё ещё дрожали капли Хаоса, и рассмеялся: «Тайна... Всё будет окутано тайной». Его пальцы впились в только что рождённую землю, и там, где касались ногти, пробивались ростки – кривые, ядовитые, прекрасные. Он не строил – он заставлял камни шептаться, а реки – течь вспять.

Третья слеза застыла ещё в воздухе, превратившись в кристалл, пронзённый иглами инея. Когда она раскололась, из неё вышла Морана – худая, с кожей цвета лунного лишайника, с волосами, струящимися, как дым погребальных костров. Она не произнесла ни слова. Просто подняла ладонь, и пространство вокруг неё начало умирать: свет блёк, зву-

ки глохли, даже время замедляло бег, цепенея от её прикосновения. «Всё... кончится», – наконец выдохнула она, и это было не предсказание, а обещание.

Рожаница, наблюдая, как её дети рвут на части ещё не окрепший мир, вскричала. Её кровь хлынула из рваной раны в бок, превращаясь в реки, которые тут же начали точить каменную плоть Сварога. «Остановитесь! – застонала она, но боги уже не слышали. – Вы разорвёте песню, прежде чем она станет симфонией!»

Сварог, не отрываясь отковки, швырнул в Велеса раскалённым молотом. Тот увернулся, и удар пришёлся в землю, породив первую пропасть. Морана же, улыбаясь, провела пальцем по небу – и там, где прошла её рука, осталась чёрная полоса, мертвая и беззвёздная. Первая ночь.

«Так начинается танец, – прошептала Рожаница, и её голос начал растворяться в новорождённом ветре. – Танец, в котором вы станете и творцами, и жертвами...».

Но её уже не слышали.

Глава 2. Кузнец Сварога

Кузница Сварога пылала в сердце новорождённого неба, словно раскалённый уголь, впившийся в ладонь мироздания. Стены её были выкованы из сплава звёздной пыли и ярости, а наковальня – чёрная, испещрённая трещинами, – звенела от ударов, будто плакала. Сварог трудился без устали. Его молот, тяжёлый как грех, вздымался и падал, высекая искры, которые взвивались ввысь, превращаясь в созвездия. Каждый удар рождал закон: здесь – граница света, там – начало тьмы, тут* – путь солнца, не иначе.

– Порядок, – рычал он, вгоняя раскалённый клинок в воду времени, от которой шипели туманы. – Всё должно стоять на своих местах, как зубцы в шестерне.

Он вытянул из горнила пылающий шар – солнце, слепое и яростное, – и начал оббивать его края, чтобы свет лился ровно, а не растекался по небу кровавыми подтёками. Но солнце вырывалось, обжигая ему пальцы до костей. Сварог смеялся сквозь боль: боль была доказательством – он жил, он творил.

А внизу, в тенях ещё не названных долин, крался Велес. Его босые ступни не оставляли следов на горячем пепле,

а глаза, суженные как щели меж миров, следили за братом. Он ненавидел эту кузню. Ненавидел стук молота, вымеренный как биение сердца, ненавидел прямые линии сводов, которые Сварог возводил, словно клетку.

– Ты превращаешь мир в тюрьму, – прошипел Велес, подбираясь к горнилу, где спал украденный у Хаоса огонь.

Пламя, синее в сердцевине и багровое по краям, извивалось, будто живое. Оно манило Велеса не светом, а шепотом – обещанием хаоса, который может стать песней. Он протянул руку, и огонь обвил его запястье, как змея, не обжигая, а лаская.

– Свобода, – выдохнул Велес, и в его голосе дрожал восторг еретика.

Сварог обернулся, почуяв неладное, но было поздно. Велес, сжимая пламя в кулаке, прыгнул в пропасть меж мирами. Воздух взвыл, разорванный падением, а следом ринулись искры – те самые, что Сварог выковал для звёзд. Они впились в землю, камни, корни первых деревьев, и там, где падали, вздымались клубы дыма.

– Стой! – взревел Сварог, метнув молот.

Но Велес уже прижал огонь к груди мёртвого валуна. Камень затрещал, из его трещин брызнула смола, пахнувшая сосной и медвежьей шерстью. Валун выгнулся, застонал низким гулом – и ожил. Его тело покрылось мхом, глаза вспыхнули жёлтым блеском, а из пасти, усеянной обломками кремня, вырвался рёв. Первый дух леса.

– Смотри, братец, – засмеялся Велес, пока Сварог, багровея от ярости, спускался с небес. – Твои звёзды умеют не только гореть.

Он дунул на искру, и та, кружась, упала в реку. Вода вскипела, выплеснув на берег девушку с чешуёй вместо кожи и волосами из тины. Она запела – голосом водоворота, – и река изогнулась, повторяя мелодию. Дух реки.

– Ты... ты населил мир безумием! – Сварог схватил Велеса за горло, но тот рассыпался в стае ворон, чтобы собраться вновь на соседнем утёсе.

– Нет. Я дал им голос, – поправил Велес, и в его глазах плясали отражения сотен новых жизней. – Ты хотел, чтобы камни молчали? Чтобы реки текли, куда укажешь? Они же живые, брат.

Сварог взмахнул руками, и небесный свод содрогнулся,

обрушив град раскалённых звёзд. Велес отпрыгнул, но одна из искр вонзилась ему в плечо. Вместо крови хлынул дым, пахнувший полыньёю и бунтом.

– Это не жизнь! – прогремел Сварог, поднимая молот для последнего удара. – Это хаос!

– А разве не из хаоса родилась мать наша? – Велес выпрямился, и его тень вдруг стала огромной, вобрав в себя шелест лесов, ропот ручьёв, скрип ветвей. – Ты строишь трон из правил, а я... я дарю миру душу.

Молот обрушился вниз, но попал лишь в скалу, расколов её на семь острых пиков – будущие горы Рарога. Велес исчез, а его смех остался висеть в воздухе, как ядовитый цветок.

Сварог, тяжело дыша, взглянул на своё солнце. Оно пылало, но теперь в его свете танцевали тени – духи, рождённые из краденого огня. Они шептались в кустах, целовали росой камни, пели песни, которых не было в нотных свитках Рожаницы.

– Нет, – прошептал он, сжимая кулаки так, что из ладоней сочилась божественная кровь. – Порядок... должен быть порядок...

Но где-то в глубине, под грудью из стали и пепла, даже он слышал: мир уже никогда не будет прежним.

Глава 3. Танцующая Тьма

Там, где кончались земли Сварога и стихал шепот творений Велеса, лежала пустошь, не тронутая ни молотом, ни смехом. Здесь царила тишина, густая, как смола, и холод, пронизывающий до костей. В центре этой пустыни, на троне из спрессованного льда, сидела Морана. Её пальцы, длинные и синие от мороза, перебирали ожерелье из замёрзших слёз Рожаницы. Каждый кристалл звенел, словно погребальный колокол.

– Вечность... – прошептала она, и её голос рассыпался в воздухе инеем. – Всё должно стать вечным.

Она встала, и её платье – сотканное из теней полярных ночей – зашуршало, как крылья мёртвых бабочек. Над головой Мораны висела луна, её единственная спутница, вырезанная из осколка первой слезы. Но даже луна казалась слишком яркой, слишком живой.

– Слишком много света, – проворчала Морана, касаясь лунной поверхности. Там, где её палец коснулся сияния, осталась чёрная трещина. – Слишком много... жизни.

Она подняла руки, и лёд под её ногами начал трещать, вы-

пускающая из глубин вихри студёного ветра. Они кружились вокруг неё, завывая погребальными песнями, пока не слились в огромную фигуру – Тьму, которая не была просто отсутствием света. Это было существо с когтями из обсидиана, глазами-пропастями и голосом, от которого стыла кровь.

– Танцуй, – приказала Морана, и Тьма рванулась вперёд, поглощая всё на пути.

Трава чернела и рассыпалась в прах. Реки, ещё вчера певшие песни Велесу, замерзли, ломаясь посередине с грохотом разбитого стекла. Даже воздух кристаллизовался, падая на землю алмазной пылью. Морана шла следом, оставляя за собой дорогу из мёртвых звёзд. Она вела Тьму к небесному своду – туда, где пылало солнце Сварога.

Сварог, стоя на краю кузни, почувствовал холод ещё до того, как небо почернело. Его солнце дёрнулось, как раненый зверь, и свет стал меркнуть, будто кто-то высасывал из него жизнь.

– Сестра... – прошипел он, сжимая молот так, что рукоять треснула.

Он ринулся вниз, сквозь слои облаков, уже покрывающих-

ся ледяной коркой. Морана ждала его, стоя на замёрзшем озере, которое ещё утром было морем. Тьма вилась вокруг неё, заглатывая последние проблески заката.

– Ты опоздал, – сказала Морана, и её улыбка была острее лезвия. – Ночь уже здесь. Навсегда.

Сварог взревел, ударив молотом по льду. Озеро вздыбилось, выстреливая вверх глыбами, но Морана лишь махнула рукой. Лёд превратился в стаю ворон, которые облепили Сварога, выклёвывая искры из его кожи.

– Ты не поняла! – закричал он, сбрасывая птиц пламенем из глаз. – Мир рухнет без света!

– Мир рухнет от вашего шума, – ответила Морана. Тьма за её спиной вытянулась, закрывая горизонт. – Тишина. Холод. Вечность... Это и есть совершенство.

Она щёлкнула пальцами, и из-под земли вырвались ледяные шипы, целясь в сердце Сварога. Он отбил их молотом, но каждый удар отнимал у него силы. Солнце, слабея, съжилось до размеров яблока, и его свет уже не грел – лишь жалко копошился у ног богов.

– Люди... – вдруг выдохнул Сварог, заметив вдали силу-

эты. Они жались к угасающим кострам, дрожа под шкурами, их лица искажал ужас.

– Люди? – Морана рассмеялась. – Они умрут первыми. И даже не пискнут.

Сварог посмотрел на них – крошечных, беспомощных, таких же хрупких, как мир Рожаницы. И тогда он понял, что проигрывает.

Но бог-кузнец никогда не сдаётся.

Он вонзил молот в собственную грудь. Кровь, густая как расплавленный металл, хлынула на землю.

– Что ты делаешь?! – взвизгнула Морана, отшатнувшись. Даже Тьма замерла.

– Ты хотела вечности? – Сварог вырвал из раны пылающее сердце. – Получи.

Он швырнул его в последний уголок солнца. Сердце взорвалось огненной бурей.

Люди увидели, как с неба упала искра. Она вонзилась в землю у их ног, и из неё выросло пламя – алое, яростное, неугасимое.

– Возьмите, – прохрипел Сварог, падая на колени. Его тело трещало, превращаясь в камень. – Это... ваш меч... против Тьмы...

Морана завывала, как раненый волк. Тьма, ослеплённая вспышкой, начала корчиться, её когти таяли, превращаясь в чёрные ручьи.

– Ты... отдал им свою силу?! – закричала она. – Безумец! Они сожгут себя!

– Возможно, – Сварог уже почти окаменел, но его голос гремел в последний раз. – Но они будут выбирать. А это... страшнее любой Тьмы.

Морана, истекая синим пламенем от ярости, отступила в свою пустыню. Тьма, обессиленная, поползла за ней, оставляя залитые светом земли.

Люди обняли огонь. Они ещё не знали, как им владеть,

но в их глазах уже горело то, чего не было даже у богов – надежда.

А Сварог, ставший каменной грядой на краю мира, прошептал в пустоту:

– Прости, мать... Я нарушил твой сон...

Но Рожаница не ответила. Она спала – и снилось ей, как искра борется с вечной ночью.

Глава 4. Сердце Матери-Земли

Она проснулась от крика. Не от голоса – от вопля, вырвавшегося из самых недр мироздания. Это кричала земля, которую топтали железные сапоги богов. Рожаница приподнялась на ложе из сплетённых корней и звёздной пыли, и её тело, ещё не до конца отделившееся от Хаоса, затрещало, как корабль, разрываемый штормом.

– Дети... – простонала она, но её никто не услышал.

Сквозь пелену вечного сна она увидела: Сварог, превратившийся в каменный хребет, всё ещё дышал огнём, выжигая проплешины в лесах Велеса. Морана, заточившая себя в ледяной крепости, высылала туманы, чтобы душить посевы людей. А Велес... Велес смеялся, подстрекая духов бунтовать против небесных сводов. Мир, её дитя, её песня, рвался на части от их гнева.

– Хватит, – прошептала Рожаница, и её слёзы, падая сквозь слои реальности, стали кислотным дождём, разъедающим поля.

Она встала. Её шаги вызвали землетрясения – не те, что рвут плоть земли, а те, что обнажают душу. Горы застонали,

реки побежали вспять, а небо свернулось в свиток, готовый сгореть. Боги, почуяв неладное, собрались на поле, где когда-то родились из её слёз.

– Мать... – первым произнёс Велес, но его голос дрогнул.

Рожаница посмотрела на них. Её глаза, некогда сиявшие как два солнца, теперь были тусклы, как потухшие угли.

– Вы убили мой сон, – сказала она, и каждое слово било их, как плеть. – Вы превратили гармонию в войну.

– Мы творили! – выкрикнул Велес, но под взглядом матери съёжился.

– Творили? – Рожаница махнула рукой, и перед ними возникли видения: люди, сжигающие леса ради полей; духи, мстящие за срубленные деревья; морозы, крадущие последние зёрна. – Вы творили боль.

Морана, стиснув зубы, шагнула вперёд:

– Ты сама дала нам силу. Не нам винить, если мир не выдержал её.

Рожаница замерла. Потом её тело начало меняться.

Сначала рассыпались волосы – чёрные, как пропасть между мирами. Каждый волосок превратился в лес: сосны вонзились в небо, ивы склонились к воде, дубы зашептали мудрость, которой никто не слышал. Её кожа, покрытая узорами древних рун, расплзлась, становясь плодородным чернозёмом. Кости, ломаясь с грохотом, выросли в горные хребты, их вершины покрылись снегами – слезами Мораны.

– Мать, остановись! – закричал Велес, но она уже не могла.

Её кровь хлынула реками, которые тут же пробили себе путь через камни, унося в море осколки её сердца. Лёгкие, наполненные последним вздохом, стали ветром – тёплым южным и колючим северным. А сердце... Сердце упало в самый центр мира, став огненным ядром, чей стук отныне будет мерным пульсом жизни.

– Я уйду в сон, – прозвучал её голос уже отовсюду: из шелеста трав, рокота водопадов, гула подземных глубин. – Но если вы пробудите меня снова...

Она не договорила. Боги и так поняли: следующее пробуждение будет концом всего.

Велес упал на колени, вцепившись пальцами в свежую

землю – ещё тёплую, как кожа. Даже Морана, чьё ледяное сердце никогда не дрожало, прикрыла лицо руками. Лишь Сварог, чья каменная форма едва шевелила губами, прошептал:

– Прости...

– Клянись, – потребовал голос Рожаницы, уже теряющий очертания. – Клянись хранить мой сон.

И они поклялись. Каждый по-своему:

– Велес разрезал ладонь корнем мандрагоры, и его кровь, смешавшись с землёй, дала жизнь священным рощам.

– Морана выковала из льда кинжал и вонзила его себе в грудь: «Пока этот лёд не растает, я не нарушу покоя».

– Даже духи лесов и рек, рождённые из краденого огня, приникли к почве, обещая стать её щитом.

Но когда стихли клятвы, из трещины в только что рождённой земле выползла тень. Чернобог, брат-близнец Сварога, рождённый из незаметной капли яда в слезе Рожаницы, усмехнулся:

– Спи, матушка. Мы ещё повеселимся...

Люди, не слышавшие клятв богов, вышли из укрытий. Они гладили траву, пробовали на вкус воду из новых рек, подставляли лица ветру. Им казалось, что мир наконец обрёл покой.

Они не знали, что боги, стоя на вершинах только что рождённых гор, смотрели друг на друга с холодной ненавистью. И что глубоко под землёй, там, где билось сердце Рожаницы, уже шевелилось нечто, жаждущее вырваться наружу...

Глава 5. Рокот Перуна

Сварог спал. Его каменное тело, простирающееся вдоль границ мира, дышало огнём, который тлел глубоко под землёй, как недобитый враг. Но даже во сне он чувствовал – в его жилах, превратившихся в ручьи расплавленной бронзы, что-то шевелилось. Не боль, не ярость... а ожидание.

Оно прорвалось на рассвете, когда первые лучи солнца Даждьбога коснулись каменной груди Сварога. С треском, похожим на раскаты грома, его сердце – огромный кованый шар, покрытый трещинами, – разорвалось. Из разлома вырвался вихрь, смешавший пламя, дождь и рёв. И в центре этого хаоса, сжимая в кулаках молнии, стоял Перун.

Его первый крик разорвал небо. Тучи, ещё недавно мирно плывшие над полями Рожаницы, вздыбились, как стая испуганных ворон. Дождь хлестал косыми струями, а ветер вырывал с корнем деревья, посаженные Велесом. Перун смеялся, и с каждым хохотом молнии били в землю, оставляя чёрные шрамы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.